

Анатолий Федорович Кони

К истории нашей борьбы с пьянством

Кони А. Ф. Избранное / Сост., вступ. ст. и примеч. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова. - М.: Сов. Россия, 1989.

OCR Pirat

Последняя краткая сессия Государственной думы открылась речами, в одной из которых очень удачно было указано, что к воспреещению казенной продажи водки и спирта, вызванному войной, могут быть применены слова Пушкина о "рабстве, павшем по манию Царя". Действительно, снятие ига этого второго рабства в течение полугода принесло уже яркие и осязательные плоды. Порядок и спокойствие в деревне, очевидное и быстрое уменьшение преступности во всей стране, ослабление хулиганства и поразительный по своим сравнительно с прошлыми годами размерам приток взносов в сберегательные кассы - служат блестящими доказательствами благодетельности этой меры. А между тем, сколько лет по отношению к вопросу о борьбе с народным пьянством наше законодательство и, в значительной мере, общество и печать ходили "вокруг да около", намечая трудно осуществимые способы борьбы, в действительность которых они сами не верили, стыдливо и лицемерно умалчивая о главном источнике зла. Голоса немногих общественных учреждений и отдельных лиц, радевших о нравственном и физическом здоровье народа, терялись в согласном хоре официальных заявлений, из которых в одном, авторитетно сделанном в Государственной думе, даже говорилось, что водка составляет предмет первой необходимости для народа, в забвении того, что она грозит обратиться в предмет его конечной гибели. К этому хору присоединились голоса своекорыстных добровольцев из частных лиц, певших о том, что "все обстоит благополучно", и повторявших избитые ссылки на то, что "Руси" нет другого веселья, как "пити", и кощунственные указания на брак в Кане Галилейской и даже на Тайную Вечерю.

Надо заметить, что долгое время наше общество относилось к питейному вопросу весьма равнодушно. Оно оставалось, за малыми исключениями, посторонним зрителем смены картин и настроений в этом вопросе. Пред глазами прошел откупщик, провинциальный питейный меценат, финансовый друг отечества, безнаказанный фальсификатор народной отравы и легализированный насильник во имя своих прав на это, прошел корректный и безупречный чиновник акцизного ведомства. На его глазах "дешевка" заменила приправленную дурманом "сивуху", а затем, когда продавцом водки сделалась казна, открылись "винные лавки" с их атрибутами - чистотой, порядком и внутренним благочинием.

Пьянствующий русский человек, по большей части кажущийся безобидным и сознающий, в трезвом состоянии, что "ослабевать" грешно и стыдно, долгое время был созерцаем преимущественно со стороны анекдотической, без углубления в причины и последствия его печальной привычки.

Но в последние годы, когда пробудилось общественное сознание и стало с чувством тревожной критики относиться ко многим условиям и явлениям вседневной русской жизни, благодушный взгляд на пьяного сменился животрепещущим вопросом о пьянстве и о его победоносном, завоевательном шествии среди русской действительности.

Народное пьянство в России являлось истинным общественным бедствием, которое наравне с широко и глубоко внедряющимся сифилисом - *par nobile fratrium* [благородная пара братьев (лат.)] - составляло все более и более нарастающую опасность вырождения народа в духовном и физическом отношении, могущего оказать роковое, гибельное влияние на историю родины и на стойкость русского племени в охране своей самостоятельности при столкновении с другими племенами. Указание на сравнительно малое душевое потребление спирта в России не представляло ничего успокоительного, ибо важно не количество выпиваемого в год спирта, а способ его употребления, нравственно и физически разрушительный, легко и незаметно приводящий к пагубной привычке, для которой создавалась вполне благоприятная почва и против которой не принималось решительных мер борьбы.

Среднее душевое потребление водки в 40% в России составляло 0,61 ведра в год на человека, и в ряду четырнадцати государств, где наиболее распространено употребление водки, Россия стояла на девятом месте, причем на первом месте стоит Дания, где приходится 1,72 ведра на человека. Но и Франция тоже стояла лишь на шестом месте (0,82 ведра на человека), а между тем, в ней развитие спиртного пьянства приводило к ужасающим выводам. Достаточно указать, что в ней расходовалось в 1873 году 7 тыс. гектолитров абсента, а в 1907 году уже 340 тыс. гектолитров и что в ее *maisons de sante*